18+

Михаил Качеев

Мрак и вакцина. Книга 3

Глубинный рубеж



Михаил Качеев

Мрак и вакцина. Книга 3. Глубинный рубеж

«Издательские решения»

Качеев М.

Мрак и вакцина. Книга 3. Глубинный рубеж / М. Качеев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Мрак и вакцина. Книга 3: Глубинный рубеж» — фантастический роман Михаила Качеева. Оставив Денвер, байкер Силас и Яна везут вакцину на запад. Буран глушит мотор в пустыне, и герои спускаются в Трансконтинентальное метро Невады. В лабиринтах архивов их ждут слепые твари, каннибалы и погоня, а на побережье — новый враг, готовый отнять вакцину.

© Качеев М.
© Издательские решения

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ 6
ПРОЛОГ. Мертвая точка росы 7
Трах… т-трах… пф-ф-ф 8
ГЛАВА 1. Вертикальный гроб 10
ГЛАВА 2. Пепел и костный мозг 14
Ф-Ф-Ф-Ш-Ш-Ш-С-С-С! 18
ВЖ-Ж-Ж-ГР-Р-РОХОТ! 21
ГЛАВА 3. Смотри ему в глаза 22
Б-БАМ-М-ХРЯСЬ! 26
БА-БАХ! 28
ГР-Р-РОХОТ — ХРЯСЬ — Ш-Ш-Ш! 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Мрак и вакцина. Книга 3
Глубинный рубеж

Михаил Качеев

© Михаил Качеев, 2026

ISBN 978-5-0071-6214-2 (т. 3)
ISBN 978-5-0071-6215-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. Мертвая точка росы
ГЛАВА 1. Вертикальный гроб
ГЛАВА 2. Пепел и костный мозг
ГЛАВА 3. Смотри ему в глаза
ГЛАВА 4. Стальной таран на мокрых рельсах
ГЛАВА 5. Станция «Призрак»
ГЛАВА 6. Стальные гончие на встречном пути
ГЛАВА 7. Живая торпеда над разломом
ГЛАВА 8. Точка росы на отметке ноль
ГЛАВА 9. Кладбище железных птиц
ГЛАВА 10. Белый след на черном бетоне
ГЛАВА 11. Двенадцать миль базальта
ГЛАВА 12. Ночной пропуск в Батл-Маунтин
ГЛАВА 13. Свинец, спирт и сорок тонн тротила
ГЛАВА 14. Водораздел
ЭПИЛОГ. Берег последнего моря

ПРОЛОГ. Мертвая точка росы

Пустыня Большого Бассейна не знала пощады даже весной. Вчера в долине пахло талой полынью и мокрым базальтом, а сегодня с севера, со стороны мертвых хребтов Айдахо, сорвался стратосферный циклон. Черная стена арктического воздуха врезалась в прогретые солончаки на скорости восемьдесят миль в час.

За сорок минут температура рухнула с плюс пяти до минус двадцати восьми.

Белый ад сожрал горизонт, дорогу и небо. Вместо мягкого снега с высоты летела сухая, твердая, как толченый кварц, ледяная сечка вперемешку с соляной пылью Бонневилля. Эта взвесь пробивала брезентовые чехлы, забивала ребра охлаждения цилиндра и мгновенно спекалась на горячем металле в серую каменную корку.

На сто десятой миле к западу от Солт-Лейк-Сити, на открытом продуваемом гребне перевала Сильвер-Айленд, 650-кубовый двигатель KLR650 впервые дал перебой.

Трах… т-трах… пф-ф-ф

Обороты упали. Тяга пропала на середине подъема.

Силас выжал сцепление одеревеневшими пальцами, ловя двухсоткилограммовую машину на обледенелом асфальте, и ударил по педали кикстартера. Раз. Второй. Третий. Коленвал проворачивался с вязким, мертвым усилием — полусинтетическое масло в картере на таком ветру густело на глазах, а диффузор воздушного фильтра и жиклеры намертво забило смерзшейся соляной пудрой. Дизельное топливо в магистралях пошло белыми хлопьями парафина.

Мотор чихнул черным плевком несгоревшего бензина и умер окончательно.

Наступила оглушительная, ревущая белая слепота. Ветер бил в бок с такой силой, что тяжелый мотоцикл с двумя седоками кренило к отбойнику. Левое плечо Силаса, где под старым шрамом покоилась вживленная в ключицу титановая пластина, пронзило знакомым, выкручивающим до тошноты ледяным спазмом — металл внутри тела остывал быстрее кости.

— Топливопровод перехватило! — заорал Силас, поворачивая голову в обледеневшем шлеме к Яне. Голос тонул в вое бурана в полуметре от губ. — Вакуумную мембрану порвало льдом! Нам его здесь не продуть!

Яна скатилась с заднего седла прямо в наст по колено, прижимая к груди укороченный помповый «Ремингтон». Ее ресницы под защитными очками смерзлись от собственного дыхания, но серые глаза смотрели цепко и трезво. Сквозь белую круговерть в двадцати шагах от обочины она разглядела угловатый бетонный силуэт, торчащий из базальтового склона горы.

Это был старый наклонный вентиляционный оголовок Трансконтинентальной подземной магистрали — недостроенной перед самой Войной резервной сети глубокого метрополитена, которой правительство пыталось связать военные базы Юты и Невады под дном соляной пустыни.

— Туда, к вентшахте! — Яна схватила Силаса за рукав промерзшей косухи, указывая стволом дробовика на бетонный куб с вырванными взрывом стальными жалюзи. — Еще пятнадцать минут на этом ветру — и мы обморозим легкие!

Силас посмотрел на черный топливный бак с белыми буквами **«ПРОРОК»**. Машина, вытащившая их из четырех адов подряд, остывала, превращаясь в памятник под снежным саваном.

Байкер не тратил секунд на сантименты. Одним резким движением охотничьего ножа он перерезал крепежные ремни задних кофров, сдернул оба экспедиционных рюкзака, слил из резервной фляги на раме пол-литра чистого спирта в подсумок, выдернул ключи из замка зажигания и толкнул тяжелый байк в глубокую расщелину за бетонным отбойником, завалив сверху сухими кустами перекати-поля. Если переживут зиму — вернутся. Если нет — мертвым мотоцикл ни к чему.

Они доползли до развороченного зева вентиляционного киоска против ветра, сдирая колени о лед.

Внутри бетонной коробки буран стих, сменившись гулким, утробным завыванием сквозняка, уходящего вертикально вниз, в черную утробу скалы. Из провала колодца тянуло вовсе не зимней свежестью. Оттуда, с глубины в сотню метров, поднимался тяжелый, теплый и тошнотворный выдох подземелья: смесь вековой ржавчины, едкой больничной карболки, прогоркло дизельного мазута и сладковатого, гнилостного перегноя старого мицелия.

И сквозь этот плотный запах из непроглядной тьмы шахты донесся звук.

Сначала — далекое, судорожное шарканье десятков ног по мокрому бетону, сопровождаемое захлебывающимся, получеловеческим всхлипыванием, от которого стыла кровь. А сле-

дом, перекрывая вой ветра наверху, снизу ударила сухая, костяная, резонирующая от чугунных стен трель:

Тк-тк-тк… кр-р-р-клац! Тк-тк-клац!

Там, на дне технологического ствола, в абсолютной темноте бродила стая Бегунов, а впереди них прощупывал эхолокацией бетонные своды старый слепой Щелкун.

Остаться наверху означало превратиться в два ледяных трупа через полчаса. Спуститься вниз — шагнуть прямо в глотку подземного чистилища.

Силас молча снял с предохранителя свой АКС-74У, зажал в зубах корпус маленького Г-образного фонаря с красным светофильтром и первым перешагнул через обледенелый край шахты, нащупывая каблуком ржавую стальную скобу.

ГЛАВА 1. Вертикальный гроб

Спуск по аварийному стволу вентиляционной шахты №14 напоминал погружение в пищевод мертвого исполина.

Бетонное кольцо диаметром в четыре метра уходило отвесно вниз сквозь базальтовую породу. Стальные ходовые скобы, вбитые в стену полвека назад, проржавели до толщины карандаша и прогибались под весом стокилограммового мужчины с полным боекомплектом. По стенам тек ледяной желтый конденсат вперемешку с хлопьями белесой плесени; перчатки скользили по мокрому железу, как по салу.

Силас работал в основном ногами и правой рукой. Левую он использовал только как крюк — перебрасывал согнутый локоть через верхнюю скобу, прижимаясь грудью к ледяной стене, пока правая рука перехватывалась ниже. Каждый такой рывок отзывался в реконструированной ключице глухим, режущим хрустом: титановая пластина Вэнса натягивала огрубевшие рубцы, и под мокрой тельняшкой по ребрам ползли холодные струйки пота.

Тридцать метров вниз. Пятьдесят. Восемьдесят.

Ревущий наверху буран превратился в далекое шипение заткнутой ватой трубы. Зато звуки снизу обрели пугающую, трехмерную четкость.

Шахта не заканчивалась глухим полом. На отметке ста метров вертикальный ствол упирался в массивную круглую решетку воздухозаборника, под которой проходил главный двухпутный перегон недостроенной ветки Метрополитена. Сама решетка из дюймовых стальных прутьев держалась на трех закладных анкерах из четырех — один край провис над рельсами тоннеля на высоте трех метров, образовав косой стальной гамак.

Яна спускалась в двух метрах выше Силаса, совершенно бесшумно ставя мягкие подошвы берцев на края скоб у самого бетона, где металл меньше пружинил.

За десять метров до решетки Силас замер и поднял правый кулак. *Стоп.*

Красный луч его тусклого фонаря, зажатого в зубах, едва доставал до переплетения прутьев внизу. Сквозь ячейки решетки просматривался свод главного тоннеля, собранный из массивных чугунных тюбингов с потеками бурой ржавчины на болтовых швах.

По шпалам внизу, прямо под их шахтой, метались тени.

Их было семеро. Четверо *Бегунов* — еще сохранивших остатки истлевшей шахтерской робы и оранжевых жилетов работников метростроя, но уже потерявших человеческий разум. Их движения были дергаными, марионеточными: они то замирали, неестественно вывернув шеи и шумно втягивая ноздрями свежий морозный воздух, падавший из шахты вместе со снежной крупой, то вдруг бросались друг на друга с хриплым, булькающим воем, сдирая ногтями кожу со скул.

Двое других держались в тени у кабельных консолей вдоль стен. *Сталкеры.* Вторая стадия заражения, когда грибница уже берет под контроль моторную кору, но еще не выжгла глаза. Они не выли — двигались пригнувшись, почти на четвереньках, пряча лица с проступающими сквозь лбы буграми молодого мицелия за выступами чугунных ребер тюбинга, и ждали жертву из засады.

А посередине пути, прямо под провисшей решеткой шахты, стоял *Щелкун*.

Огромный, некогда широкоплечий путейский обходчик в брезентовом фартуке. Голова его давно перестала быть человеческой: череп раскололся изнутри, превратившись в многослойную костяную корону из затвердевших желто-бурых грибных пластин, напоминающих древесный трутовик. Он задрал эту слепую, воронкообразную морду вертикально вверх, к решетке шахты, и из его разорванной гортани вырывались серии частых, сухих щелчков, от которых осыпалась сухая ржавчина с потолка:

Клик-клик-клик-тр-р-р-рик!

Тварь слышала стук их сердец и тяжелое дыхание в трубе.

Но спрыгивать вниз на головы стаи не пришлось бы даже самоубийце: в трех метрах выше нижней решетки, в боковой стене самой вентиляционной шахты, чернел узкий прямоугольный лаз кабельного коллектора — технический ход обходчиков шириной в метр, закрытый старой перфорированной дверью из листового железа.

Однако добраться до этой двери мешала смертельная деталь.

Прямо поперек шахты, от скоб до самого лаза коллектора, тянулась густая сеть сухих, серых нитей старого мицелия, в которую кто-то — явно человеческой рукой — вплел тонкую медную проволоку. Проволока шла к привязанному за петлю двери ржавому корпусу противопехотной осколочной мины направленного действия M18A1 «Клеймор», развернутой выпуклой стороной прямо в центр шахты, и к связке пустых консервных банок под ней.

Кто-то на этой глубине отгородился от верхнего мира и от тварей на рельсах одновременно.

Яна спустилась вплотную к плечу Силаса, зависнув на скобах в метре над натянутой в полумраке медной струной. Ее губы у самого его уха прошептали едва слышно:

— Растяжка двойного действия, Силас. Натяжная и на срез. Если перекусить проволоку кусачками — пружина взрывателя М6 отстрелит назад и замкнет боек. А если задеть банки под ней — звон сбросит на решетку под нами всю стаю снизу, они допрыгнут с плеч друг друга до наших ног.

Силас выплюнул фонарик на страховочном шнурке, перехватился правой рукой за верхнюю скобу, а ноги упер в бетонный выступ тюбинга по бокам от своего тела, расклинивая себя в вертикальной трубе за счет трения подошв и спины, чтобы освободить единственную рабочую кисть.

Левое плечо в таком положении взвыло так, что перед глазами поплыли багровые круги. Титановая спица уперлась в край сустава; мышцы груди свело судорогой.

— Сколько до дверного косяка? — сквозь стиснутые зубы выдохнул Силас.

— Полтора метра по диагонали, — Яна вытащила из нагрудного кармана маленький стальной пинцет и тонкую английскую булавку из аптечки. — На взрывателе этой армейской серии есть технологическое отверстие под предохранительную чеку на штоке ударника. Но дотянуться до самой мины у двери, не задев пучок сухих грибных жил под ней, со скоб нельзя — рука не достанет на тридцать сантиметров.

Внизу, под решеткой на рельсах, один из Бегунов вдруг издал пронзительный, захлебывающийся визг — сверху с ботинка Силаса оттаял и сорвался вниз, пролетев сквозь прутья решетки, маленький комок грязного льда с солью, шлепнувшись прямо на плечо зараженного.

Стая внизу мгновенно взбесилась.

Щелкун издал оглушительный, режущий барабанные перепонки ультразвуковой клекот и с разбегу прыгнул вверх, ухватившись когтистыми, окровавленными пальцами за провисший край стальной решетки в трех метрах под ногами Силаса! Ржавые прутья заходили ходуном со скрежетом; за спину Щелкуна тут же вцепился первый Сталкер, карабкаясь по его хребту, как по живой лестнице, прямо к отверстию в углу решетки!

До того как твари пролезут сквозь провисший угол внутрь самой шахты, оставалось секунд двадцать.

— У меня нет тридцати сантиметров, мелкая. Зато есть я сам, — хрипло бросил Силас.

Не снимая правого ботинка со скобы, он отпустил правую руку и медленно, контролируя падение мышцами пресса и бедер, откинулся спиной назад в пустоту четырехметровой шахты — прямо над натянутой медной проволокой растяжки, — пока его лопатки и затылок не уперлись в противоположную бетонную стену у самого дверного проема коллектора!

Он превратил собственное тело в живой распорный мост поперек вертикального колодца на высоте ста метров, удерживаясь только упором каблуков в скобу с одной стороны и затылком

с плечами в мокрый бетон — с другой. Под его поясницей в трех метрах внизу уже просовывал голову сквозь отогнутый прут решетки слепой Щелкун, клацая желтыми зубами в пустоту и заливая бетон черной слюной.

— Ползи по мне к мине! — процедил Силас, когда вены на его шее вздулись до толщины пальца, а из-под повязки на левой ключице сквозь ворот тельняшки проступило темное горячее пятно свежей крови. — Живо, Яна! Я долго не провишу!

Яна не колебалась ни доли секунды. Легкая, весом едва в пятьдесят килограммов, она перешагнула со скобы прямо на широкую грудь и ременную разгрузку Силаса, как по подвесной балке, проползла на коленях по его животу над самой ниткой медной проволоки и зависла головой вперед у ржавой двери коллектора, прямо перед выпуклым зеленым корпусом мины «Клеймор».

Внизу Щелкун уже протиснул плечи сквозь дыру в решетке и ухватился за нижнюю ходовую скобу шахты в двух метрах под бедрами Силаса!

Пальцы Яны не дрожали. Выдернув булавку из обшлаги рукава зубами, она подсветила себе красным диодом на латунный колпачок механического взрывателя М6, вкрученного в верхнее гнездо мины. Пружина боевого взвода внутри окислилась, но крошечное сквозное отверстие диаметром в полтора миллиметра поперек штока ударника было чистым.

Щелкун внизу сделал рывок по скобам вверх — его слепая грибная корона оказалась в метре от кобуры Силаса; вонючее, жаркое дыхание твари обдало ноги байкера. Стрелять из автомата или дробовика внутри каменного колодца прямо под миной с фунтом пластита С-4 было рискованно — ударная волна выстрела могла сдернуть гнилую дверь с петель вместе с растяжкой.

Но Яна уже загнала стальную иглу английской булавки по самое ушко в предохранительное отверстие штока и загнула кончик пинцетом!

— Законтрила! — выдохнула она и одним резким рывком выдернула весь капсюль-детонатор из пластикового гнезда мины, после чего ударом ноги выбила незапертую железную дверь коллектора внутрь темного бокового коридора, обрывая обезоруженную проволоку и гроздь консервных банок.

Банки с оглушительным грохотом покатились вниз — прямо на голову лезущему по скобам Щелкуну.

Яна влетела на четвереньках внутрь бокового лаза коллектора, развернулась на животе и обеими руками вцепилась в воротник куртки и плечевые лямки разгрузки Силаса, который в этот момент уже разжал сведенные судорогой ноги, срываясь из распора вниз!

Его тяжелое тело качнулось маятником к стене с дверью; правая рука байкера мертвой хваткой поймала нижний стальной порог проема, а внизу промахнувшийся на полсекунды Щелкун клацнул челюстями по воздуху в дюйме от его окованного сталью каблука.

Силас подтянулся на одной правой руке, помогая Яне втащить себя за порог в узкую бетонную кишку кабельного ходка, и с разворота вбил подошву ботинка прямо в центр грибной короны Щелкуна, показавшейся в проеме двери!

Хрящевой нарост на морде мутанта с влажным хрустом треснул; тварь потеряла опору под одной ногой и, сорвавшись со скользкой скобы, с пронзительным воем полетела вниз, пробив своим весом прогнившую стальную решетку и рухнув с четырехметровой высоты обратно на рельсы прямо на головы карабкающимся следом Сталкерам и Бегунам!

Силас с грохотом захлопнул тяжелую железную дверь коллектора и забил в проушину снаружи толстый ржавый костыль от шпалы, валявшийся на полу у порога.

Через секунду в железное полотно с той стороны глухо ударилось чье-то тело, по металлу визгливо проскребли когти Сталкера, но сорвать заклиненный костылем стальной лист в узкой шахте твари не могли.

В кабельном коллекторе наступила густая, звенящая темнота, пахнущая озоном, крысиным пометом и старой свинцовой изоляцией.

Силас сидел на холодном бетонном полу, привалившись спиной к стене, и тяжело, со свистом дышал сквозь обледеневший воротник. Правая рука его мелко дрожала от запредельного перенапряжения связок, а левая сторона груди под курткой была мокрой и горячей.

Яна быстро сняла со стены у порога обезвреженную мину «Клеймор», аккуратно уложила ее вместе с взрывателем в свой вещмешок — на глубине такой подарок стоил дороже золота — и посветила красным фонарем дальше, вдоль бесконечных рядов толстых черных бронированных кабелей, уходящих по бетонным полкам в черную неизвестность западного сектора.

В ста метрах впереди, там, где кабельный ходок спускался по наклонной галерее к первому подземному распределительному залу станции «Бонневилль-Техническая», на мокром бетонном полу четко отпечатались следы.

Это не были когти мутантов и не были армейские ботинки.

На слое серой угольной пыли и плесени виднелись свежие отпечатки голых, изуродованных мозолями и обморожениями человеческих ступней, обмотанных поверх лодыжек какими-то грязными тряпками и телефонным проводом. А рядом со следами в лужице ржавой воды валялась обглоданная до желтого блеска, расколотая вдоль ради костного мозга человеческая лучевая кость — совсем свежая, со следами мелких человеческих зубов на суставном хряще.

— Те, кто ставил эту мину на дверь шахты, защищались не от щелкунов снизу, — тихо сказал Силас, вытирая тыльной стороной перчатки холодный пот со лба и передергивая затвор АКС-74У. — Они запирали свой погреб изнутри, чтобы дичь не разбежалась. Доставай картечь, мелкая. Мы в гостях у местных.

ГЛАВА 2. Пепел и костный мозг

Кабельный ходок уходил под уклоном в двенадцать градусов, постепенно сужаясь до размеров бетонного гроба.

Воздух здесь стоял густой, липкий и абсолютно мертвый. Вентиляция не работала со времен первых ядерных ударов по базам Юты. Легкие с трудом проталкивали в себя смесь углекислоты, болотного метана, прогорклого человеческого жира и едкой, щиплющей глаза хлорной извести. Старые свинцовые оболочки высоковольтных фидеров на стенах обросли длинными, похожими на седую бороду прядями пещерной плесени, которая при малейшем касании куртки осыпалась жирной серой пудрой.

Силас шел первым, пригнув голову под низким сводом. Левое плечо после гимнастики в шахте больше не просто ныло — под ключицей разгорался настоящий пожар. Разошедшийся от рывка старый шов кровил, пропитывая нательный флис теплой липкой влагой, а при каждом неровном шаге края кости глухо пощелкивали о титановую пластину. Чтобы не терять прицельную линию, байкер положил ствол укороченного автомата на сгиб полусогнутого левого локтя, превратив больную руку в мертвую деревянную подставку, а правый указательный палец держал прямо на спусковой скобе.

В пяти шагах позади бесшумной тенью скользила Яна. Она шла вполоборота, контролируя тыл и держа наготове свой помповый «Ремингтон», заряженный через один: крупная волчья картечь восьмимиллиметрового диаметра — свинцовая пуля Майера — снова картечь. На глубине, в тесных бетонных кишках, рикошет автоматной пули калибра 5.45 от чугунного тюбинга мог убить стрелка быстрее врага, а тяжелый свинцовый сноп двенадцатого калибра сметал любую цель в коридоре шириной два метра без всяких рикошетов.

Через двести метров бетонный пол под ногами сменился рифленым чугунным настилом, и коллектор вывел их на верхний технический балкон бывшей тяговой подстанции **«Бонневилль-Техническая»**.

Силас выключил даже тусклый красный диод фонаря. Опустившись на одно колено за чугунной балюстрадой балкона, он знаком велел Яне достать перископ ТР-8 с ночным просветлением оптики.

Внизу расстилался колоссальный, высотой в три этажа, подземный машинный зал со сводчатым потолком из вороненой стали. Когда-то здесь стояли восемь гигантских масляных трансформаторов и ртутных выпрямителей, питавших контактный рельс правительственной ветки до самой Невады.

Теперь внутренности трансформаторов были выпотрошены, медные обмотки сданы или сожжены, а огромные стальные баки из-под трансформаторного масла, врытые в бетонный пол зала, превратились в загоны.

В центре зала, прямо на раскуроченном фундаменте синхронного компенсатора, тлел костер.

Но горело в нем не дерево — дерева под солончаками Юты не было. В железном корыте из половины вагонной колесной пары чадили куски старой кабельной резины, пропитанные солидолом шпалы и сухие брикеты прессованного грибного мицелия, перемешанные с какими-то черными, обугленными обрубками. Пламя было низким, багрово-синим и давало столько жирной, черной сажи, что весь свод станции над костром зарос махровыми сосульками копоти.

Вокруг огня сидели и лежали одиннадцать существ.

Назвать их людьми можно было только по строению скелета. На них не было ни кожаных доспехов сектантов Иоанна, ни армейских разгрузок, ни символов веры. Это были тени, спустившиеся в метро двадцать лет назад и выродившиеся во тьме до состояния пещерных троглодитов.

Кожа их, никогда не видевшая солнца и пропитанная насквозь сажей кабельных костров и белой соляной плесенью, имела трупный, пепельно-серый оттенок мокрого шифера. Волосы вылезли от цинги и тяжелых металлов в грунтовой воде, обнажив бугристые черепа в струпьях лишая; челюсти выдавались вперед, а зубы у многих были подпилены кусками напильников на треугольный манер, чтобы легче рвать сырые сухожилия. Одеждой им служили намотанные в несколько слоев и стянутые медной проволокой куски стекловаты из теплотрасс, промасленная ветошь и содранные с кресел вагонов лохмотья дерматина.

Они ели. Молча, без разговоров, без споров — только влажное, торопливое чавканье, хруст разгрызаемых хрящей и тяжелое, свистящее дыхание простуженных легких.

А в десяти метрах от костра, в глубоком бетонном приямке бывшего маслосборника трансформатора №4, закрытом сверху приваренной решеткой из стальной арматуры, копошилось то, что в этой подземной экосистеме называлось *консервами*.

Яна, смотревшая в окуляр перископа, судорожно втянула воздух сквозь фильтр респиратора. Ее пальцы так сжали стальную трубу прибора, что побелели костяшки.

— Силас… — шепот девушки был едва слышен, но в нем звенела такая ледяная, первобытная жуть, какой не вызывали ни тысячная орда щелкунов у озера, ни фанатики в туннеле Айзенхауэра. — Там в яме под решеткой… четверо. Живые. Бродяги с поверхности или диггеры с соседней ветки… У двоих отрезаны ступни по щиколотку, а культи прижжены каленым железом и гудроном, чтобы не истекли кровью раньше времени… Они держат их живыми, потому что без соли и холода мясо в сыром тоннеле тухнет за сутки.

Силас не взял перископ. Он видел такие ямы однажды — в первые три зимы после падения бомб, в вымерших пригородах к северу от Сакраменто. Он знал, что с этими тварями у костра нельзя договориться, их нельзя напугать выстрелом в воздух или купить тушенкой. В их выжженных голодом и прионной болезнью Куру мозгах любая живая плоть делилась только на две категории: та, что сильнее их сейчас, и та, что лежит в яме без ног.

Байкер медленно перевел взгляд с костра на противоположный конец машинного зала.

Там, за рядами бетонных колонн, темнел выход на рабочий рельсовый путь перегона — чугунный портал тоннеля, ведущего на запад, к узловой станции «Вендовер». Но проход к тоннелю был перекрыт массивной противопожарной шторой из гофрированной стали, которая опустилась сверху на две трети высоты, оставив внизу щель всего в полметра. Цепной тельфер подъема этой шторы находился прямо внизу, у правой колонны, всего в пятнадцати шагах от костра людоедов и в пяти метрах от решетчатой ямы с пленниками.

Обойти зал по верхнему техническому балкону было нельзя: в середине пролета стальной настил балкона обрушился двадцать лет назад, зияя пятнадцатиметровым провалом над бетонным полом. Единственный путь вниз вел по наклонной железной лестнице с их стороны балкона прямо за трансформаторные баки.

— Патроны жечь не будем, — одними губами произнес Силас, оценивая акустику гигантского зала. — Если дадим очередь из «Ксюхи» или ударим картечью в этом железном барабане — грохот уйдет по главному тоннелю на три мили в обе стороны. Там, за противопожарной шторой на путях, судя по помету на рельсах, спят не меньше двух десятков Бегунов и Щелкунов. Выстрел поднимет и людоедов здесь, и грибную стаю за дверью.

— Но их одиннадцать, Силас! — прошептала Яна, сжимая шейку приклада дробовика. — Врукопашную с твоим плечом мы их без стрельбы не положим, у них в руках заточенные куски рессор и пики из арматуры!

— А мы и не пойдем на них с ножом, — глаза Силаса в багровом отблеске далекого костра блеснули холодным, расчетливым прищуром механика. Он кивнул вниз, на три массивных серых цилиндра, стоявших в нише прямо под их лестницей, в десяти метрах от костра и ямы. — Смотри на маркировку тех баллонов у стены за третьим трансформатором. Знаешь, чем

тушили пожары на подземных масляных подстанциях в семидесятые годы, когда водой лить по десяти тысячам вольт нельзя?

Яна прищурилась, вглядываясь через оптику ТР-8 в облупившиеся желтые трафареты на пузатых стопятидесятилитровых баллонах с массивными латунными вентилями и раструбами, направленными прямо в приямок центрального зала, где сейчас горел костер каннибалов.

— *«HALON 1301 — BROMOTRIFLUOROMETHANE. DANGER: ASPHYXIATION HAZARD»*, — прочитала она по буквам и мгновенно все поняла. — Газовая станция объемного пожаротушения! Тяжелый фреон-хладон! Он в пять раз тяжелее воздуха!

— Именно, — Силас бесшумно вытащил из набедренных ножен свой тяжелый штык-нож, проверяя пальцем заточку обуха. — Если сорвать пломбу ручного пуска на коллекторе этих трех баллонов, полтонны сжиженного тяжелого газа без всякого взрыва, с одним коротким шипением за десять секунд затопят весь нижний уровень зала слоем в два метра от пола, как невидимая вода. Он мгновенно погасит их костер и вытеснит весь кислород из низины. Твари у костра даже не поймут, чем дышат, — два вдоха бромтрифторметана в смеси с продуктами горения резины дают мгновенный паралич дыхательного центра и потерю сознания за пятнадцать секунд.

И тут взгляд Яны снова метнулся к решетчатой яме маслосборника.

— Силас… но яма с пленными находится еще ниже уровня пола! — в голосе девушки прорезалась отчаянная горечь. — Тяжелый газ стечет в этот приямок в первую очередь! Те четверо внизу с отрезанными ступнями… они задохнутся во сне раньше, чем людоеды у костра!

Силас замолчал.

В багровом полумраке балкона его лицо казалось высеченным из серого базальта. Он посмотрел через перископ в яму под решеткой. Четверо истощенных до состояния живых скелетов людей лежали на грязной ветоши в собственном кале и гное; у двоих выше обрубленных и заваренных смолой лодыжек уже вились черные полосы влажной гангрены и трупного сепсиса, третий бредил в горячке, бессмысленно царапая ногтями бетонную стену, а четвертый — старик с выбитыми зубами и перебитым позвоночником — смотрел вверх сквозь прутья решетки пустыми, давно умершими глазами, и губы его беззвучно шевелились, повторяя одно-единственное слово: *«Убейте… убейте…»*.

У Силаса и Яны не было ни антибиотиков, ни хирургической операционной, ни протезов, ни транспорта, чтобы вынести на себе через триста миль подземного ада четырех умирающих от гангрены калек. А если попытаться сейчас открыть решетку и выпустить их — крик и возня поднимут стаю людоедов и приведут к гибели всех, включая саму Яну, в чьей крови текла единственная надежда для выживших анклавов Невады и Калифорнии.

Силас положил тяжелую правую руку в кожаной перчатке на затылок Яны и мягко, но неумолимо прижал ее голову к своему здоровому плечу, закрывая ей обзор на яму.

— Хладон не дает удушья, мелкая, — глухо, почти неразборчиво прошептал он ей в самое ухо. — При концентрации выше тридцати процентов человек просто засыпает на третьем вдохе, как под общим наркозом на столе у хирурга. Без боли. Без страха. И без того, чтобы завтра утром эти серые ублюдки отпилили им руки ржавой ножовкой на живую. Это лучшее, что мы можем для них сделать в этом аду. Надень противогаз с закрытым контуром? Нет, обычный фильтр от отсутствия кислорода не спасет — держимся на высоте выше двух метров от пола, на фундаментах трансформаторов, пока газ не растечется. Пошли.

Яна зажмурилась на секунду. Одна горячая слеза скатилась по ее испачканной сажей щеке под резиновой маской полуреспиратора, но когда она открыла глаза, в них снова была холодная, взрослая сталь человека, который принял правила этого мира. Она молча кивнула.

Они спустились по железной лестнице в густую черную тень за исполинским ребристым корпусом первого трансформатора, не издав ни единого шороха.

До костра людоедов было двенадцать метров. Сквозь щель между масляными радиаторами охлаждения Силас видел, как один из каннибалов — огромный, сутулый выродок с раздутым от водянки животом и намотанной на плечи бухтой старого телефонного провода — поднялся от огня, почесывая покрытую серыми струпьями грудь, и побрел с железным крюком в руке в сторону решетчатой ямы, явно собираясь проверить живой запас перед сном.

Силас подошел к батарее из трех желтых баллонов «Halon 1301» в стенной нише.

На центральном пусковом коллекторе висел массивный чугунный рычаг аварийного сброса, удерживаемый стальной шпилькой со свинцовой пломбой тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Но сам рычаг за сорок лет сырости прикипел к бронзовой оси клапана зелеными окислами.

Байкер аккуратно, двумя пальцами правой руки вытянул ржавую шпильку из гнезда, обмотал чугунную рукоятку рычага полой своей кожаной куртки, чтобы заглушить возможный щелчок металла, и навалился на нее сверху всем весом своего тела.

Окислившаяся бронза сухо скрипнула — и клапан провалился вниз, пробивая стальной иглой медные мембраны всех трех баллонов одновременно!

Ф-Ф-Ф-Ш-Ш-Ш-С-С-С!

Из четырех широких раструбов под потолком ниши не вырвалось ни пламени, ни грохота — только густой, тяжелый, как ртуть, бело-сизый туман с резким, сладковатым запахом хлороформа и аптечного эфира хлынул на бетонный пол зала со скоростью горного обвала.

Плотная пелена сжиженного бромтрифторметана, мгновенно испаряясь и охлаждая воздух до минус десяти градусов, бесшумной белой рекой потекла по бетонному полу вокруг фундаментов трансформаторов прямо к костру и приямку маслосборника.

Сутулый каннибал с крюком у ямы замер, тупо глядя на то, как его босые, черные от грязи ступни по колено утонули в ледяном белом молоке. Он открыл рот с подпиленными зубами, чтобы крикнуть остальным у костра:

— *Хы-а-а…*

И в ту же секунду белая волна газа дошла до железного корыта с горящей кабельной резиной.

Лишенное кислорода багровое пламя костра не погасло постепенно — оно исчезло мгновенно, словно кто-то щелкнул выключателем, погрузив огромный подземный зал станции в абсолютную, первобытную тьму и оставив лишь облако едкого белого пара над остывающими углями!

В темноте раздалась короткая, слепая суматоха.

Десять тварей у погасшего костра вскочили на ноги, хватаясь за свои железные пики и рессоры, но именно это движение — глубокий, резкий вдох грудью на уровне полутора метров от пола, где концентрация тяжелого хладона уже достигла сорока процентов, — стало для большинства из них последним.

При контакте с раскаленными углями костра часть фреона разложилась с выделением боевого фосгена и бромистого водорода. В темноте зала раздался глухой, сдавленный кашель, похожий на лай раненых собак, затем — тяжелые, мешковидные падения тел на бетон, судорожный стук пяток о железо и тишина.

В приямке под решеткой тоже стихло — четверо мучеников внизу просто закрыли глаза в холодном эфирном тумане, даже не успев почувствовать удушья.

Но двое самых крупных каннибалов, которые в момент пуска газа не сидели у костра на полу, а стояли выше — на полутораметровом бетонном постаменте разбитого пульта управления у правой колонны, где висела цепь противопожарной шторы, — оказались головами выше уровня газового озера!

Закашлявшись от резкого запаха эфира и увидев в слабом свете фосфоресцирующей плесени на потолке две человеческие фигуры, перебегающие по высоким чугунным крышкам трансформаторных баков над стелющимся белым туманом к цепи ворот, оба выродка издали дикий, хриплый вой и бросились им наперерез по верхнему карнизу!

— Двое на пульте, выше уровня газа! — коротко бросила Яна, прыгая с крышки второго трансформатора на узкую стальную балку кабельного моста на высоте двух метров от пола. — Не стреляй, Силас! Справа за шторой уже скребутся Щелкуны на звук шипения баллонов!

Действительно: с той стороны опущенной стальной шторы, перекрывавшей выход в тоннель на Вендовер, послышалось возбужденное, частое щелканье — *клик-клик-тр-р-рик!* — и глухие удары тел о гофрированный металл. Выстрел сейчас означал бы, что когда они поднимут штору на метр, в эту щель навстречу им ворвется вся подземная стая.

Первый каннибал — жилистый, абсолютно голый по пояс зверь, чья грудь и живот были покрыты десятками ритуальных шрамов, натертых угольной пылью, а в обеих руках была зажата полутораметровая пика из заточенной под трехгранный штык стальной арматуры — прыгнул с пульта прямо на узкую балку перед Силасом!

Байкеру негде было развернуться на двадцатисантиметровом двутавре на высоте двух метров над ядовитым газовым озером. Если упасть вниз в слой хладона — два вдоха в борьбе на полу, и ты сам останешься лежать рядом с теми, у костра.

Острие арматурной пики метнулось в грудь Силаса с быстротой змеиного броска.

Силас не пытался отбить удар одной правой рукой — он просто качнулся корпусом влево, подставляя под скользящий удар трехгранного острия толстую накладку своего левого наплечника и жесткий пластиковый каркас бандажа над ключицей!

Арматура с визгом проскребла по пластику и кевларовой подкладке корсета, сорвав ремень и выбив из горла Силаса глухой, кровавый стон боли от удара в больной сустав, но острие ушло за его левое плечо в пустоту. А сам байкер в то же мгновение шагнул вперед по балке вплотную к выродку, лишая того дистанции для второго укола, и правой рукой сбоку снизу загнал свой шестидюймовый армейский штык-нож прямо под нижнюю челюсть каннибала, пробив гортань, корень языка и нёбо до самого основания черепа!

Тварь захлебнулась беззвучным кровавым пузырем на губах, выронив пику. Силас не выдернул нож сразу — резким толчком правого плеча он сбросил обмякшее тело с балки вниз, в белое молоко фреона на полу, где оно глухо шлепнулось в лужу мазута.

Второй людоед, вооруженный тяжелым обрезком вагонной рессоры с намотанной на рукоять колючей проволокой, уже замахнулся сверху с бетонного пульта над головой Яны, которая в этот момент обеими руками вцепилась в заржавевшую цепь ручного тельфера противопожарной шторы!

Удар пятифунтовой стальной полосы сверху вниз раздробил бы девушке ключицу и череп даже сквозь шлем.

Яна не стала тянуться к кобуре за пистолетом. Не отпуская левой рукой натянутую цепь тельфера, она правой рукой перехватила свой помповый «Ремингтон» за цевье и ствол, как тяжелую стальную дубину, и снизу вверх, со всей силы разгибающихся ног и спины, вбила окованный стальным затыльником приклад дробовика точно в промежность нависающего над ней выродка!

Раздался глухой хруст лобковой кости. Каннибал согнулся пополам с тонким, визгливым писком выходящего из легких воздуха, его рессора со звоном ударила вскользь по чугунному кожуху редуктора, выбив сноп искр, а Яна вторым коротким движением набросила свободную петлю стальной приводной цепи тельфера прямо на шею скрючившегося врага и со всей силы дернула рабочую ветвь цепи вниз, на себя!

Зубчатое колесо редуктора под потолком провернулось на два шага, поднимая трехтонную стальную штору тоннеля на тридцать сантиметров вверх — и одновременно противовесом самой опускающейся цепи затянуло железную удавку на горле людоеда, вздернув его за шею вплотную к чугунному блоку полиспаста!

Хрустнули шейные позвонки; выродок дернул босыми ногами в воздухе над слоем газа и затих, став живым стопором для поднятой на метр от рельсов противопожарной шторы!

— Проход открыт! — выдохнула Яна, задыхаясь от запаха фреона, который уже начинал подниматься выше от движения их тел. — Но с той стороны шторы…

С той стороны поднятой на метр стальной заслонки, в черном зеве главного рельсового тоннеля, раздался слитный, леденящий кровь рев пяти глоток.

Под гофрированный край шторы, припадая к шпалам и сдирая спины об острый нижний срез стали, из темноты перегона уже рвались на запах свежей крови и живого тепла трое Бегунов и два Щелкуна, привлеченные звоном цепи и рессоры!

А позади них, в белом тумане машинного зала, на полу у погасшего костра один из самых живучих каннибалов, наглотавшийся газа меньше остальных, начал судорожно ворочаться на четвереньках, пытаясь доползти до брошенного у наковальни сигнального железнодорожного рожка.

Силас одним прыжком с балки оказался на бетонном пульте рядом с Яной.

Он посмотрел на узкую метровую щель под шторой, куда уже просовывались когтистые лапы и слепые грибные короны Щелкунов, затем — на зафиксированный на шее повешенного людоеда замок цепи тельфера и на висящий у пояса Яны вещмешок, где лежала снятая в шахте мина «Клеймор».

— Под штору сейчас не проскочить — они забили горловину тоннеля своими телами! — хрипло скомандовал Силас, выхватывая одной рукой из своего подсумка флягу со слитым на поверхности чистым спиртом. — Но у нас на полу зала лежит пятьсот килограммов тяжелого фреона вперемешку с угольной пылью, а в тоннеле за шторой — сильная естественная тяга сквозняка в сторону Вендовера! Если мы сейчас пропустим первых двух тварей сюда, подрежем цепь и уроним трехтонную штору им на хребты, оставив внизу щель в десять сантиметров, как эжекторное сопло…

Глаза Яны мгновенно просчитали физику процесса:

— …то тяга тоннеля всосет весь тяжелый ядовитый газ из зала под штору, как гигантский пылесос, прямо в морды всей стае в перегоне! А чтобы они не выбили штору, пока газ их душит…

Силас не тратил слов. Когда первый Бегун с воем протиснулся под поднятой шторой в зал и, сделав один вдох концентрированного хладона у пола, тут же рухнул ничком на бетон в судорогах, хватаясь за горло, а следом под металл наполовину пролез огромный Щелкун, байкер одним ударом штык-ножа перерубил кожаный ремень на шее висящего в петле людоеда, освобождая замок цепи тельфера!

ВЖ-Ж-Ж-ГР-Р-РОХОТ!

Трехтонная стальная штора сорвалась вниз и гильотинным ударом обрушилась прямо на поясницу застрявшего в проеме Щелкуна!

Позвоночник мутанта лопнул с сухим треском бревна; тварь оказалась намертво расплющена под трехтонной стальной плитой, а ее толстый, обросший каменным грибом корпус заклинил штору на высоте десяти сантиметров от головок рельсов!

Образовалась узкая горизонтальная щель — идеальное сопло Вентури между замкнутым залом подстанции и продуваемым двадцатикилометровым тоннелем метро.

Разница давлений сработала мгновенно.

С пронзительным, воющим свистом все белое озеро полутонного заряда хладона и угарного газа со дна машинного зала устремилось в десятисантиметровую щель под шторой, вытягиваясь сквозняком в главный тоннель!

За стальной преградой в темноте перегона раздался дикий, захлебывающийся кашель, глухие удары падающих на шпалы тел Бегунов и Сталкеров, сбитых с ног концентрированной волной тяжелого фреона, и затихающее, беспомощное щелканье слепых мутантов, теряющих сознание в газовом мешке.

Через сорок секунд воздух в самом машинном зале очистился, а за шторой в тоннеле наступила гробовая тишина.

Силас и Яна спрыгнули с пульта на уже чистый бетонный пол, вдвоем навалились на освободившуюся цепь тельфера, подняли штору на полметра над придавленным трупом Щелкуна и быстро, задержав дыхание, проскользнули под стальным полотном в главный рельсовый перегон, после чего снова отпустили цепь, запечатав за собой склеп станции «Бонневилль-Техническая» навсегда.

Впереди, в луче включенного красного фонаря Силаса, на две мили вглубь земной коры уходили две ржавые нитки рельсов и чугунные кольца тюбингов. На шпалах вокруг них неподвижно лежали оглушенные газом тела шести Бегунов и двух Сталкеров — Силас молча, поделовому прошел вдоль рельсов, короткими ударами штык-ножа в затылок добивая каждую тварь, пока они не очнулись, и вытирая лезвие об их истлевшие робы.

Затем он выпрямился, прислонился здоровым плечом к чугунному ребру тюбинга и посмотрел на Яну.

Девушка стояла посередине пути, опустив ствол «Ремингтона», и смотрела на темные своды тоннеля, где по старой синей эмали указателя станции белой краской поверх довоенных букв чьей-то дрожащей рукой было выведено:

«ДО ГЕРМОЗАТВОРА СЕКТОРА 4 (СОЛЯНОЙ СИФОН) — 8 МИЛЬ. ВОДА ПРИБЫВАЕТ. ДАЛЬШЕ ПУТИ НЕТ».

И именно в этот момент откуда-то сверху — из черного зева высокой вертикальной вентиляционной сбойки в трехстах метрах впереди по тоннелю — донесся звук, совершенно не похожий ни на кашель людей, ни на сухой треск Щелкунов.

Это был тяжелый, кожистый хлопок огромных перепончатых крыльев о каменный свод и короткий, визгливый клекот гигантского ночного хищника, разбуженного запахом газа и свежей крови.

Силас медленно перевел взгляд наверх, к потолку тоннеля.

— Выключай свет, глазастая, — тихо сказал он, гася красный диод фонаря и уводя ее в узкую нишу кабельного канала вдоль стены. — Здесь под сводами живут те, кто смотрит сверху. Доставай схему шлюзов Четвертого сектора — идти придется на ощупь.

ГЛАВА 3. Смотри ему в глаза

Восемь миль в кромешной тьме заняли четыре часа.

Они не шли по шпалам — открытая середина перегона принадлежала тем, кто гнездился в вентиляционных сбойках под сводом. Дважды над их головами в непроглядной черноте с тяжелым, кожистым свистом рассекали воздух огромные перепончатые крылья, и по чугунным ребрам тюбингов скрежетало железо когтей величиной с железнодорожные костыли. Силас и Яна пережидали эти облеты, вжимаясь в узкую бетонную ложбину водоотводного лотка у самой стены, по щиколотку в ледяной черной жиже, пахнущей тухлым рассолом и ржавчиной.

На восьмой миле путь закончился.

В слабом, мертвенно-зеленом свете химсвета, который Силас зажал в кулаке, оставив лишь миллиметровую щель между пальцами, из темноты выросла глухая стена.

Это был секторный отсечной затвор №4 — трехметровая круглая пробка из литой бронестали, намертво вжатая гидравлическими домкратами в конусное седло бетонного кольца тоннеля. С той стороны затвора доносился глухой, утробный гул миллионов тонн грунтовой воды: здесь магистраль ныряла под самое дно высохшего солончака Бонневилль, проходя через систему компенсационных водосбросов «Соляного Сифона».

На бетонной стене справа от затвора висел бронированный шкаф ручного управления приводом. Стальная дверца была сорвана с петель еще двадцать лет назад, а внутри зияли три пустых трехгранных гнезда под кодовые ключи-шатуны механической разблокировки золотников.

Под шкафом, прямо по зеленой масляной краске стены, штык-ножом была выцарапана надпись: **«КЛЮЧИ ШЛЮЗА — У НАЧАЛЬНИКА СМЕНЫ В ВЦ-4 (ВЕРХНИЙ АРХИВ). НЕ ХОДИТЕ ТУДА С ОРУЖИЕМ. НЕ ПОВОРАЧИВАЙТЕСЬ СПИНОЙ. СМОТРИТЕ В ГЛАЗА»**.

Чуть правее начиналась наклонная эскалаторная галерея с вырванными ступенями, уходящая вверх под углом в тридцать градусов к герметичному блоку командно-вычислительного центра и технического архива Узла.

Силас прислонился спиной к холодному чугуну тюбинга, достал из подсумка сухой бинт и одной правой рукой да зубами кое-как затянул тугую петлю поверх куртки, прижимая левый локоть к ребрам. Плечо пульсировало тяжелым, горячим свинцом; каждый вдох отдавался под лопаткой тупым уколом.

— Вычислительный центр и архив документации на верхнем ярусе, — тихо сказала Яна, подсвечивая зеленым стержнем схему в клеенчатой тетради Пророка. — Тут сказано, что перед самой Войной в этот защищенный бункер эвакуировали не только серверные стойки и чертежи тоннелей Невады, но и клетки с подопытными приматами из военной биолаборатории «Дагуэй», которая стояла в сорока милях к югу. На них испытывали первые аэрозольные штаммы мицелия и радиопротекторы.

— И когда персонал сдох или сбежал, клетки открылись, — мрачно закончил Силас, проверяя в темноте на ощупь магазин АКС-74У — тридцать патронов с тяжелыми бронебойными сердечниками 7Н6. — В Сиэтле старики называли таких тварей «Книжниками» или «Библиотекарями». Помесь разросшегося на стероидах шимпанзе, человека и глубоководного кордицепса. Гриб не выел им мозжечок, как бегунам, а сросся с корой полушарий. Они не слепые, мелкая. У них глаза залиты бельмом, но они видят малейшее движение тени и читают мышечный тонус жертвы лучше любой собаки.

— И почему надпись говорит не поворачиваться спиной? — Яна перевела взгляд на темный зев наклонного хода наверху.

— У них остался древний территориальный инстинкт стайного хищника-павиана, помноженный на грибную агрессию, — Силас вытер со лба холодный пот. — Пока ты стоишь к нему лицом, не поднимаешь ствола и смотришь прямо в переносицу, не мигая и не делая резких движений, — в его вывернутых мозгах работает блок: ты не добыча, ты другой хищник, готовый к размену. Он будет давить психику, реветь, подходить вплотную, но первым не бросится, если ты сам пятишься назад шаг за шагом. Но стоит тебе моргнуть от страха, дернуть затвором или показать спину — инстинкт срабатывает за десятую долю секунды. А череп у этой твари в три пальца толщиной, обшитый костяным хитином: пуля калибра 5.45 с десяти метров просто сплющится об лобную кость и разозлит его.

Он убрал зеленый химсвет в карман, оставив их в полумраке, подсвеченном лишь бледно-голубым свечением пещерного лишайника на сводах эскалаторного наклона.

— Оружие на ремни, стволами вниз. Руки на виду, дыхание ровное. Пошли наверх.

Они поднялись по ржавым балкам разобранного эскалатора в верхний вестибюль ВЦ-4.

Здесь не было привычной для тоннелей сырости. В огромном двухъярусном зале с кессонным бетонным потолком стоял сухой, душный, как в старом склепе, воздух, пахнущий прелой целлюлозой, осыпавшимся магнитным слоем тысяч бобин с перфолентами, старой звериной шерстью и мускусом.

Весь зал длиной в сто метров был уставлен бесконечными рядами трехметровых стальных стеллажей. Когда-то на них хранились миллионы папок с геологическими разрезами Скалистых гор, чертежами секретных коммуникаций и алюминиевые коробки с магнитными лентами ЭВМ. Теперь половина стеллажей была повалена друг на друга принципом домино, образуя узкие, запутанные каньоны из ржавого железа, а пол на полметра устилало шуршащее болото из пожелтевшей бумаги, пластиковых бобин и обглоданных человеческих костей в истлевшей форме инженеров метро.

Сквозь просветы между стеллажами в самом конце зала, на высоте второго яруса, виднелась застекленная армированным стеклом будка диспетчерской начальника смены. Прямо за мутным стеклом на стальном щите у пульта блестели три длинных латунных ключа-шатуна с трехгранными головками.

Но лестница на второй ярус в том конце зала была обрушена. Чтобы попасть в диспетчерскую, нужно было пройти по узкому лабиринту между стеллажами до центральной колонны, подняться по винтовой пожарной лестнице на подвесной решетчатый мостик и пройти по нему тридцать метров над залом.

Яна сделала первый шаг с бетонного порога на рассыпанный по полу слой старых перфокарт.

Сухая бумага под подошвой ее берца издала тихий, едва слышный шелест: *ш-ш-шурх…*

И в ту же секунду где-то за третьим рядом поваленных шкафов оборвался звук капающей из пробитой трубы воды.

Из темноты архивного лабиринта не раздалось рычания. Вместо него по бетонному полу прокатилось тяжелое, мягкое буханье — словно с трехметровой высоты стеллажа на бумагу спрыгнул мешок с мокрым песком весом в три центнера.

Затем послышался странный, пугающе человеческий звук:

«Х-х-хо… кх-х… к-кто?.. К-кто там?..»

Голос напоминал испорченную магнитофонную запись, прокрученную на замедленной скорости сквозь забитую мокротой глотку. Древние мутанты архива, как попугаи, десятилетиями повторяли последние слова людей, которых они когда-то разорвали в этих рядах.

Из-за угла покосившегося стального шкафа с надписью «СЕКТОР НЕВАДА — ГЕОДЕЗИЯ» в пятнадцати шагах от них медленно выступила сутулая серая громада.

Он был ростом под два с половиной метра, даже опираясь при ходьбе на костяшки чудовищно длинных, бугристых передних лап, достававших ему до щиколоток. Грудная клетка и

плечи мутанта представляли собой сплошной монолит из перекрученных темно-серых мышц и сросшихся с кожей пластин кальцифицированного мицелия, напоминавших чешую броненосца. Нижняя часть тела сохранила гротескные пропорции гигантского человекообразного примата с короткими мощными ногами, а голова, лишенная шеи и вросшая прямо в трапециевидные мышцы, венчалась массивным костяным гребнем и тяжелой челюстью с желтыми двухдюймовыми клыками.

Под нависшими надбровными дугами, поросшими седой щетиной и белыми нитями грибницы, сидели два огромных, размером с чайные блюдца, мутно-белых глаза.

В них не было зрачков — только густая перламутровая катаракта, пронизанная пульсирующими черными капиллярами кордицепса. Но эти слепые бельма уставились сквозь полумрак точно в переносицу Силаса.

«С-стой… пропуск… предъяви пропуск…» — проклокотало в бочкообразной груди чудовища, и его верхняя губа медленно поползла вверх, обнажая десны цвета гнилой сливы.

Силас замер, превратившись в каменное изваяние.

Он даже перестал моргать. Его правая рука лежала на цевье висящего на груди автомата, но ствол смотрел строго в пол — малейший подъем оружия тварь считала бы как замах для удара. Левой рукой, затянутой в бинт, он едва ощутимо коснулся локтя застывшей на полшага позади него Яны: *«Смотри на него. Пяться к колонне по миллиметру»*.

Библиотекарь сделал один тяжелый, бесшумный шаг вперед, ставя огромные кожистые кулаки прямо на ворохи перфокарт без единого шороха. От него пахло старой псиной, аммиаком и сладковатой плесенью старых книг.

Десять шагов дистанции. Восемь. Пять.

Тварь подошла так близко, что Силас видел, как в такт ее тяжелому, зловонному дыханию шевелятся мелкие серые споровые усики в ее ноздрях, а с желтых клыков на ржавый пол падают густые нити слюны. Мутант наклонил огромную уродливую голову набок, прислушиваясь к ритму человеческого сердца.

Сердце Силаса билось ровно — пятьдесят ударов в минуту. За двадцать лет в пепле он разучился бояться смерти; осталась только холодная, вязкая злость и математический расчет.

Яна рядом с ним тоже не отвела взгляда. Ее серые глаза смотрели прямо в мутные бельма гиганта с тем странным, нечеловеческим спокойствием, которое давал ей симбиотический штамм в ее собственной крови.

Библиотекарь вдруг судорожно дернул широкими ноздрями, втягивая запах кожи Яны.

В его мутных глазах промелькнуло озадаченное замешательство: от девушки не пахло ни адреналиновым потом жертвы, ни обычной человеческой плотью — ее кровь несла в себе сигнатуру материнского мицелия, непонятную и чуждую для его старого штамма. Тварь глухо заворчала в горле, отступила на полшага назад и опустила взгляд на пол.

Это был шанс.

Двигаясь синхронно, словно две тени, не сводя глаз с морды чудовища и ставя ноги с пятки на носок, чтобы не хрустнула ни одна пластиковая катушка под подошвами, Силас и Яна сделали шаг назад, за угол соседнего ряда стеллажей, ведущего к центральной колонне с винтовой лестницей.

Еще шаг. Еще один. Стеллаж медленно перекрыл прямую видимость между ними и первым гигантом.

Они дошли до основания чугунной винтовой лестницы в центре зала.

Но стоило Силасу взяться правой рукой за перила первой ступени, как сверху — прямо с решетчатого настила переходного мостика на высоте пяти метров над их головами — на его плечо упала тяжелая, горячая капля вязкой слюны.

Силас не поднял головы резко — он лишь медленно скосил глаза вверх.

Прямо над ними, свесив сквозь прутья перил мостика чудовищную серую лапу с черными плоскими ногтями, на верхнем ярусе сидел **второй** Библиотекарь — еще крупнее первого, со старым ржавым обломком пожарного багра, намертво вросшим в костяной нарост на его правом плече.

И этот второй мутант смотрел на них сверху вниз, прямо в незащищенные макушки и спины, что для территориального хищника означало позу подчинения и мгновенный сигнал к атаке!

«ВРЕМЯ ВЫШЛО!» — вдруг оглушительно, искаженным ревом взревела тварь на верхнем мостике и, обрушив вниз лавину ржавых болтов, прыгнула с пятиметровой высоты прямо на них!

— В сторону, под стеллаж! — рявкнул Силас, одним движением правого плеча отбрасывая Яну в узкий, шириной в полметра зазор между двумя массивными капитальными шкафами серверных стоек из толстого стального профиля, и сам нырнул следом за миг до того, как трехсоткилограммовая туша второго мутанта с грохотом падающего сейфа проломила чугунные ступени винтовой лестницы там, где они только что стояли!

Б-БАМ-М-ХРЯСЬ!

Чугунная секция лестницы разлетелась на осколки.

От этого грохота весь архивный зал мгновенно ожил: из-за соседнего ряда с диким, утробным ревом вылетел первый Библиотекарь, потерявший зрительный контакт, а где-то в дальнем углу зашевелился и завыл третий!

Прыгнувший сверху гигант со вросшим в плечо багром взревел от ярости и просунул чудовищную волосатую лапу в полуметровый зазор между стальными серверными шкафами, пытаясь достать прижавшихся в глубине ниши Силаса и Яну. Его когти с визгом сдирали краску с металла в десяти сантиметрах от груди байкера, а сама многотонная конструкция сдвоенных шкафов заходила ходуном под его ударами.

Стрелять в лоб бесполезно. Бежать назад — там в проходе уже ревет первый мутант, отрезавший путь к тоннелю. А винтовая лестница наверх, к спасительному мостику и диспетчерской с ключами, разрушена в нижней трети — до уцелевшего марша ступеней теперь три с половиной метра по вертикали!

Силас в полумраке тесной стальной щели между серверами посмотрел наверх.

К потолочной балке прямо над разрушенной лестницей был подвешен старый рельсовый тельфер для подъема тяжелых магнитных барабанов ЭВМ на второй ярус. От тельфера вниз свисала двойная стальная цепь с массивным крюком, за который на уровне пола была зацеплена трехсотлитровая чугунная бадья с сухим кварцевым песком для тушения электропроводки — она служила нижним якорем-противовесом, а второй конец цепи уходил через блок наверх и удерживал на весу под самым потолком второго яруса полутонную сборку резервных свинцово-кислотных аккумуляторов в стальной корзине!

Причем эта аккумуляторная корзина висела как раз над узким перекрестком стеллажей, где сейчас бесновались оба гиганта, пытаясь с двух сторон разорвать серверные шкафы с зажатыми внутри людьми!

— Яна, цепь тельфера видишь за моей спиной?! — крикнул Силас, упираясь подошвой правого ботинка в стальную стойку шкафа, которая уже гнулась внутрь под чудовищными ударами первого Библиотекаря. — Бадья с песком внизу держит на противовесе аккумуляторную сборку под потолком! Если мы зацепимся карабинами разгрузок за рабочую ветвь цепи у бадьи, а саму чугунную дуру отстегнем с крюка…

Яна мгновенно взглянула вверх, в просвет между шкафами, затем на массивный храповой стопор на чугунной бадье в двух шагах от них:

— …то полутонная корзина с аккумуляторами рухнет сверху вниз прямо на перекресток им на головы, а нас на обратной ветви цепи, как на скоростном лифте, выдернет противовесом наверх — прямо на площадку второго яруса к диспетчерской! Но мы вдвоем весим сто пятьдесят килограммов, а корзина наверху — пятьсот! Разница в триста пятьдесят кило — цепь рванет нас вверх со скоростью пушечного ядра и размажет о верхний блок под потолком, если не притормозить ход!

В этот момент стальная боковина серверного шкафа слева лопнула по сварному шву, и когтистая лапа первого мутанта схватила Силаса за край кожаной куртки на больном левом плече, рванув на себя!

Боль была такой ослепительной, будто ключицу вырвали с корнем клещами. Силас не закричал — только выдохнул сквозь зубы кровавую пену, правой рукой полоснул штык-ножом по собственному рукаву косухи, отсекая зажатый в пальцах твари лоскут кожи вместе с ремнем бандажа, и откатился вглубь ниши к бадье с песком.

— Я приторможу ход цепи вверху прикладом автомата в направляющей скобе! — прохрипел он, одним движением правой руки защелкивая стальной эвакуационный карабин на

груди Яны и свой собственный поясной крюк за одно и то же широкое звено вертикальной цепи выше крюка бадьи. — Сбивай серьгу с бадьи выстрелом из дробовика в упор — звук нам больше беречь не от кого, они все уже здесь!

Яна передернула цевье «Ремингтона», загоняя в патронник свинцовую калиберную пулю Майера весом в тридцать пять граммов, уперла дульный срез вплотную к проржавевшей стальной серьге, соединявшей трехсоткилограммовую песочницу с цепью, и нажала спуск.

БА-БАХ!

Выстрел двенадцатого калибра в замкнутом пространстве стальных шкафов ударил по ушам как разрыв гранаты. Свинцовая пуля на скорости четыреста метров в секунду срезала проржавевшее ушко серьги; крюк со звоном освободился от трехсоткилограммового якоря.

И в ту же долю секунды под самым потолком зала с оглушительным визгом провернулся чугунный шкив блока!

Полутонная стальная корзина с двадцатью свинцовыми аккумуляторами, лишившись противовеса внизу, сорвалась с шестиметровой высоты вертикально вниз — прямо в узкий проход между стеллажами, где стояли плечом к плечу оба ревущих Библиотекаря!

А Силаса и Яну, пристегнутых к обратной ветви цепи, со страшным рывком взмыло вертикально вверх, вдоль обрушенной шахты винтовой лестницы!

Внизу под их взлетевшими ногами раздался чудовищный, сокрушительный удар металла о живую плоть и бетон, сопровождаемый стеклянным взрывом лопнувших эбонитовых банок с концентрированной серной кислотой:

ГР-Р-РОХОТ — ХРЯСЬ — Ш-Ш-Ш!

Полутонная клетка со свинцом размозжила позвоночник и череп первого гиганта на месте, вдавив его в бетонный пол, а второго — того, что с багром в плече, — сбила углом корзины на землю, переломав ему обе задние лапы и окатив с головы до ног потоком кипящей аккумуляторной кислоты! Из-под обломков стеллажей снизу вырвался такой нечеловеческий, захлебывающийся визг прожигаемой до костей плоти, что в диспетчерской наверху зазвенели остатки стекол.

А Силас и Яна на бешеной скорости летели на цепи к верхнему блоку под самым потолком второго яруса — до чугунного колеса шкива, которое раздробило бы им руки и головы при ударе, оставалось четыре метра! Три! Два!

Силас, висевший на карабине вполоборота, на уровне балюстрады второго яруса правой рукой с размаху загнал сложенный стальной рамочный приклад своего АКС-74У прямо в узкое направляющее окно чугунного кожуха верхнего блока!

Звенья цепи с воем зажевали закаленную оружейную сталь приклада; автомат согнуло дугой, высекая сноп искр, но этот железный клин сработал как экстренный колодочный тормоз!

Их рывок вверх погас в полуметре от потолочной балки ровно напротив переходного мостика второго яруса.

Яна мгновенно выхватила нож, перемахнула ногами через перила мостика и отстегнула оба раскалившихся от трения карабина, втягивая тяжело дышащего Силаса на решетчатый настил перед самой дверью диспетчерской начальника смены.

Внизу, в клубах едкого белого кислотного дыма среди раздавленных стеллажей, с ревом ворочался в луже кислоты полуослепший второй Библиотекарь, а из дальнего конца зала на его крик уже бежал сквозь ряды третий, огромный самец, сметая на ходу пачки бумаг!

Но наверху дорога к застекленной будке была чиста.

Силас не стал тратить время на погнутый приклад автомата — выдернув «Ксюху» из блока, он ударом плеча вынес рассохшуюся дверь диспетчерской внутрь, подскочил к стальному щиту над пультом управления и одной рукой сдернул с крючков все три тяжелых латунных ключа-шатуна с маркировкой **«ГЗ-4 / СИФОН»**, после чего бросил их в рюкзак Яны.

— Как спускаться будем?! — Яна выглянула через разбитое окно будки вниз: прямо под переходным мостиком у основания разрушенной лестницы уже стоял, задрав багровую пасть и поджидая их прыжка, третий невредимый Библиотекарь, а по цепи спускаться назад было нельзя — она заклинила намертво. — Обратно через зал не пройти, он нас караулит у лестницы!

Силас окинул быстрым взглядом тесную комнату диспетчерской.

В углу за пультом, прямо в капитальной бетонной стене, чернела круглая чугунная дверца диаметром в восемьдесят сантиметров с массивной задрайкой и надписью: **«АВАРИЙНЫЙ КАБЕЛЬНЫЙ СБРОС К ШЛЮЗУ №4. УКЛОН 45°»**. Это был прямой наклонный технический желоб из полированного чугуна, по которому из ВЦ вниз, прямо к герметичной пробке четвертого шлюза, уходили бронированные магистрали связи и гидравлики!

— Мы к нему не пойдем, мелкая! — Силас рванул на себя ручку задрайки люка; круглая чугунная дверца со скрипом распахнулась, открывая уходящую круто вниз, гладкую и скользкую от старого тавота стальную трубу длиной в полсотни метров, которая выходила прямо к затвору №4 в главном тоннеле в обход всего архивного зала! — Лети вниз ногами вперед, тормози каблуками о боковые стенки трубы — я за тобой и закрою люк изнутри!

Снаружи на решетчатый мостик второго яруса с оглушительным грохотом вскочил третий Библиотекарь, запрыгнувший туда с верхушки соседнего трехметрового стеллажа! Сталь-

ной мостик под его весом прогнулся дугой; тварь в два прыжка преодолела двадцать метров до двери диспетчерской, снося плечом дверной косяк!

Яна уже нырнула ногами вперед в наклонную трубу кабельного сброса и со свистом заскользила вниз по промасленному чугуну в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.